

Цзян Хуай некоторое время пристально смотрел на него, а затем резко схватил Бо Цзяня за воротник.

Выражение лица Бо Цзяня не изменилось. Он лишь слегка коснулся руки Цзян Хуая, сжимавшей его воротник, и небрежно произнес:

— Я не дерусь...

Его зрачки слегка сузились.

Рука Цзян Хуая все еще цеплялась за ворот его рубашки, измяв ткань. Рука Бо Цзяня, лежавшая поверх тыльной стороны ладони Цзян Хуая, медленно сжала ее, передавая обжигающее тепло. В кои-то веки ладонь Бо Цзяня покрылась тонкой испариной.

Другой рукой Цзян Хуай уперся ему в плечо, и Бо Цзянь позволил ему это сделать.

Губы и зубы столкнулись. Без всякого порядка, без тени нежности — Цзян Хуай грубо и прямолинейно, стиснув воротник Бо Цзяня, поцеловал его.

Но дальше Цзян Хуай не пошел. Сделав лишь несколько беспорядочных поцелуев, он отстранился.

Бо Цзянь опустил взгляд на Цзян Хуая. Тот тяжело, сдавленно дышал, уголки его губ покраснели от удара. Бо Цзянь немного наклонил голову, придвинувшись еще ближе, и тихо прошептал:

— И это все?

Он сделал особое ударение на слове «все».

Цзян Хуай уставился на него, зрачки его были темнее ночи.

Цзян Хуай ничего не ответил, лишь снова потянул Бо Цзяня к себе.

Кончик языка задел передние зубы. Бо Цзянь слегка приоткрыл рот.

Цзян Хуай зажмурился — то ли сбегаая от реальности, то ли просто не желая видеть лицо Бо Цзяня.

Его веки непрерывно дрожали.

Бо Цзянь чувствовал, как его ладони покрываются потом. Он отпустил руку Цзян Хуая и переложил ее ему на талию. Цзян Хуай сперва сидел рядом на корточках, затем встал перед ним на колени и, наконец, расставив ноги, опустился к нему на бедра.

Цзян Хуай не особо задумывался о позе — Бо Цзянь почти полностью сам, мягко и незаметно, направил его.

Он обнял Цзян Хуая за талию. Плечи Цзян Хуая задели цементный пол крыши.

На крыше дул сильный ветер. Куртка Бо Цзяня давно упала на землю, а экзаменационные листы громко шуршали под порывами воздуха.

Цзян Хуай почувствовал феромоны Бо Цзяня. Они плотно врывались, остро окутывали; чем

холоднее становилось вокруг, тем сильнее пылала голова. Цзян Хуай уже почти не мог разобрать, исходящий запах принадлежит Бо Цзяню или ему самому — казалось, он весь уже пропитался феромонами Бо Цзяня.

Когда Цзян Хуай отпустил Бо Цзяня, в его голове на несколько секунд образовалась полная пустота.

Он ничего не помнил, кроме того, что только что притянул Бо Цзяня и поцеловал его.

Но зачем он это сделал?

...Черт.

Цзян Хуай лежал спиной на цементе, мыслей не было, а узел резинки для волос больно впивался в затылок. Его рука все еще сжимала воротник Бо Цзяня. Сам Бо Цзянь одной рукой упирался в бетон, а другой касался его задравшейся на талии рубашки.

Бо Цзянь стоял на коленях, а он лежал.

Бо Цзянь первым отпустил его.

Цзян Хуай замер. Бо Цзянь опустил ресницы и спустя долгое время произнес слегка хриплым голосом:

— Цзян Хуай, ты поцеловал меня.

— Угу, — кадык Цзян Хуая дернулся.

Бо Цзянь спросил:

— Тебе противно?

Бо Цзянь будто принюхивался к нему:

— Что «противно»?

— Я тебя поцеловал. Тебе противно?

Бо Цзянь на этот раз не ответил. Он уткнулся лицом ему в шею, потерся кончиком носа о его кожу и тихо спросил:

— Цзян Хуай, я тебе нравлюсь?

Феромоны хлынули буйным и ледяным потоком. Хотя они и были холодными, от них туманилось в голове.

— Нет, не нравишься, — сказал Цзян Хуай.

Бо Цзянь замер:

— Не нравлюсь, но все равно целуешь?

У Цзян Хуая всегда была очень четкая логическая цепочка: если уж сделал шаг А, то почему бы не сделать шаг Б? А сделав шаг Б, какая разница, если сделаешь и шаг В?

Обычно такое состояние называют просто помешательством.

Цзян Хуай махнул на всё рукой и тайно сжал руку председателя Бо:

— В период метки я думал о том, чтобы поцеловать тебя.

— Сейчас ты не в периоде метки, — Бо Цзянь смотрел на него.

У Цзян Хуая на лице не отразилось ни единой эмоции:

— Я просто предупреждаю тебя, чтобы ты больше, блядь, не заикался со мной о временной метке.

По первоначальному плану Цзян Хуая, он должен был укунить Бо Цзяня пару раз, а потом выдать несколько суровых угроз, чтобы запугать его и заставить перестать каждый день лезть со своей «взаимопомощью и однокласснической любовью» и предложениями сделать ему временную метку.

Но теперь, когда он лежал на земле и пытался корчить из себя крутого, он выглядел как полный идиот.

Цзян Хуай нахмурился и толкнул Бо Цзяня в плечо. Он согнул колени и слегка повернулся, пытаясь сдвинуть ноги в сторону:

— Подвинься, я сначала... — Цзян Хуай запнулся.

Бо Цзянь тихо перевел дыхание и прижал колено Цзян Хуая:

— Не дергайся.

— ...Оу.

Цзян Хуай нагнулся и стряхнул пыль с брюк.

Бо Цзянь сидел с подогнутыми ногами на некотором расстоянии, прикрыв бедра ветровкой.

Они сидели друг напротив друга в нескольких метрах и несколько минут не произносили ни слова.

Цзян Хуай и сам толком не понимал, как оказался в столь неловком положении. Впрочем, подобная неловкость вполне естественна — когда на эмоциях натворишь чего-то невообразимого, а потом не знаешь, как загладить ситуацию, всегда наступает вот такая неопишуемая пауза.

Цзян Хуай остыл. И сразу онемел.

Бо Цзянь выглядел совершенно спокойно, будто просто поднялся на крышу полюбоваться видом.

Он лишь вскользь бросил взгляд в сторону Цзян Хуая. Ушки Цзян Хуая покраснели еще во время поцелуя и оставались алого цвета до сих пор.

Цзян Хуай поднялся первым, и Бо Цзянь проследил за ним взглядом.

Цзян Хуай подошел и на мгновение задержался рядом с Бо Цзянем. Он хотел спросить: «Почему ты не оттолкнул меня, когда я тебя целовал?»

Но когда открыл рот, сначала помолчал пару секунд, а затем выдавил:

— Живот прихватило, я в туалет.

— ...Понятно. — Председатель Бо как ни в чем не бывало поднялся, надел школьную куртку, застегнул молнию и слегка улыбнулся: — Мне как раз тоже надо в туалет.

Как и следовало ожидать, еще до окончания уроков Цзян Хуай вызвал старина Линь.

Однако, судя по всему, завуч по воспитательной работе просто доложил Линь Фэю о ситуации, не проверяя камеры и не слишком сгущая краски. Старина Линь сердито и с досадой спросил:

— Почему ты на уроке физкультуры не занимался, а слонялся по Восточному корпусу? Догадываешься, кто тебя засек?

Цзян Хуай опустил голову, признавая вину:

— Учитель, я виноват.

— Толком от твоих признаний! В этот раз признался, а в следующий — снова сотворишь то же самое! — отругал его старина Линь.

— Нет, больше точно не повторится.

Старина Линь не отступал:

— Завуч сказал, что вас было двое... Кто еще шлялся по Восточному корпусу кроме тебя? Из нашего класса?

Линь Фэй не стал вызывать Цзян Хуая в учительскую, а поднял его прямо с его рабочего места.

Бо Цзянь вошел через заднюю дверь и бросил взгляд на Цзян Хуая. С тех пор как они спустились с крыши, Цзян Хуай больше не заговаривал с ним, да и он сам к Цзян Хуаю не обращался.

Цзян Хуай даже век не поднял:

— Нет, не из нашего... Я не знаю, из какого он класса.

Линь Фэй вылупил глаза:

— Не знаешь? Не знаешь, а носитесь по Восточному корпусу вместе?

— Я легко сходлюсь с людьми, — ответил Цзян Хуай.

Линь Фэй: «...»

Видя, что Цзян Хуай встал в позу «делайте со мной что хотите», Линь Фэй понял, что больше ничего из него не вытянет.

— Смотрю, ты собой доволен? — Линь Фэй метнул на него строгий взгляд. — К следующей

неделе сдать мне объяснительную на две тысячи слов.

Бо Цзянь тихо вздохнул и подошел:

— Учитель Линь.

Уроки в классе еще не закончились, и пока старина Линь выговаривал Цзян Хуаю на задних рядах, куча одноклассников вытягивала шеи, подглядывая.

Линь Фэй повернулся и к Бо Цзяню обратился вполне доброжелательно:

— Что такое?

Цзян Хуай поднял голову и уставился на него.

Выражение лица Бо Цзяня оставалось невозмутимым:

— Ученик, который сегодня слонялся по Восточному корпусу вместе с Цзян Хуаем, — это я.

Линь Фэй: «.....»

Линь Фэй посмотрел сначала на Цзян Хуая, затем на Бо Цзяня, и гнев моментально ударил ему в голову:

— Ты еще и благородного из себя изображаешь?! — Он с грохотом швырнул планшет с планом уроков на стол Цзян Хуая: — По две тысячи слов с каждого! В понедельник на классном часу оба — Бо Цзянь и Цзян Хуай — выйдете к доске и зачитаете мне их на память!

В классе внезапно воцарилась тишина.

Цзян Хуай пристально смотрел на Бо Цзяня, не шевелясь.

Бо Цзянь ответил:

— Хорошо, учитель.

Линь Фэй вдруг показалось, что Бо Цзянь раздражает даже сильнее, чем Цзян Хуай.

Едва Линь Фэй ушел, в классе снова поднялся шум. Впрочем, никто из ребят не осмелился приставать к двум шишкам на задних партах.

Цзян Хуай вернулся на свое место.

Спустя несколько минут он слегка повернул голову и, опустив веки и не глядя на Бо Цзяня, морозным тоном спросил:

— Председатель, вам что, домашних заданий мало, раз вы так любите писать объяснительные?

Бо Цзянь подпер голову рукой, приподнял веки и лениво произнес:

— Я отдал тебе свой первый поцелуй.

Цзян Хуай опешил.

Бо Цзянь:

— Куда иголочка, туда и ниточка.

Цзян Хуай:

— ...Пошел к черту.

Автор хочет сказать:

Председатель: [смущается.jpg]

Председатель хоть и выглядит развязным, но на самом деле для него это действительно впервые! Говорить-то он не стесняется, а вот в делах всё ещё смущается!

А-Цай в последнее время увлеклась лепкой фигурок из пластилина.

А-Цай сидела свернувшись калачиком на ковре в гостиной, скатывала кусочек черного пластилина в шарик, затем плющила его и прилепляла к верхушке белого шарика... Это были волосы братика Бо Цзяня.

Цзян Хуай то входил в комнату, то выходил из нее, едва касаясь ногами пола, и его ворчание звучало то ближе к А-Цай, то дальше:

<http://bllate.org/book/18377/1766588>